

Институциональная трансформация социально-экономической парадигмы цивилизационного развития

В статье исследуются качественные изменения, происходящие в экономике постиндустриального общества. Формулируются ее базовые постулаты.

Ключевые слова: новая экономика, социально-экономическая парадигма, инновации, добавленная стоимость, конкурентоспособность.

А. В. Марков,
д. э. н., доцент, первый проректор
Института парламентаризма
и предпринимательства, лауреат премии
Национальной академии наук Беларуси
e-mail: prorector@ipp.by

Главной креативной идеей для экономической науки начала XXI века стало формирование новой парадигмы социально-экономического развития. Как следует из истории человечества, каждому глобальному периоду общественной эволюции соответствует определенный тип экономики, являющийся отражением характерного для него доминантного вида производства.

В данном контексте президент Академии наук Китая Лу Юнсян отмечает, что: «в истории цивилизации можно выделить эру *аграрной* экономики, которая продолжалась несколько тысячелетий, эру *индустриальной* экономики, начавшуюся около 300 лет назад, информационную эпоху, в которую мир вступил в 80-е годы XX века, и эру наукоемкой экономики, начало которой относится к 90-м годам XX столетия, что связано с активизацией развития науки и техники» [1].

Таким образом мы сегодня видим как в развитых странах мира начинается процесс поэтапного завершения индустриальной эпохи и происходит ее постепенное преобразование в постиндустриальную [2]. Возникает новое постиндустриальное общество, которое можно рассматривать как продукт его естественной эволюции, образующийся в результате перехода количественных изменений, относящихся в данном случае к производственным отношениям, в новые качественные формы последних. Рассмотрим в чем состоит суть новой экономической парадигмы, формирующейся под воздействием интенсивно изменяющихся общественных требований.

Основоположник теории постиндустриализма Д. Белл определил, что с хозяйственной точки зрения «первой и простейшей характеристикой постиндустриального общества является то, что большая часть

рабочей силы уже не занята в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности, а сосредоточена в сфере услуг» [3]. Действительно уже к началу 80-х годов в США и странах Западной Европы валовой продукт в сфере услуг превысил валовой продукт в сфере материального производства как по объему, так и по темпам роста, которые во Франции были соответственно в 2 раза выше, в Германии — в 6 раз, а в Великобритании — в 30 раз [4].

При этом сфера услуг, определяемая в теории постиндустриализма в качестве третичного сектора хозяйства (первичный — сельское хозяйство, вторичный — промышленность), весьма неоднородна. Поэтому Д. Белл выделил в ней: собственно третичный сектор (транспорт, связь, коммунальное хозяйство), четвертичный (торговля, финансы, страхование, операции с недвижимостью) и пятеричный (здравоохранение, образование, научные исследования, индустрия отдыха, сфера госуправления) [3].

Характерно, что в тех секторах, которые в наибольшей степени охвачены субъект-субъектными отношениями, общественный продукт растет самыми быстрыми темпами. Так в США, во второй половине XX века, при сокращении численности занятых в сельском хозяйстве в 5 раз, в добывающей промышленности — в 4 раза, число работников в сфере профессиональных и деловых услуг возросло с 20 до 35% от общего числа занятых, а в сфере финансов, страхования и операций с недвижимостью — с 3 до 12% [5].

Такая экономика впервые была определена как «экономика услуг», или сервисная экономика. Однако данный подход был бы слишком упрощенным, поскольку рассматривал постиндустриальное общество только в контексте его возможностей по обеспечению

более высокого качества жизни, объема и уровня услуг, представляемых его членам. Поэтому Д. Белл расширил число фундаментальных признаков постиндустриального общества до одиннадцати, пять из которых он увязал непосредственно с научно-техническим прогрессом. В результате во главу угла при характеристике постиндустриальной экономики он поставил определяющий тип вовлекаемых в производство ресурсов, а в качестве таковых он выделил *науку и информацию*. Именно масштабами знаний и объемом информации, включая возможности доступа к ней, определяется, по мнению Д. Белла, потенциал сегодняшнего общества. При этом он отметил особое место теоретического знания, его беспрецедентное влияние на производство, определив постиндустриальное общество как «*общество знания*» [3].

Государственное значение науки подчеркивал еще В. Вернадский. Он говорил о ней как о творческой силе, как об основном элементе, ничем не заменимом в быстром и массовом создании народного богатства. Если рассматривать данный процесс с точки зрения экономического роста, то в этом случае мы переходим на тот уровень развития, когда, по определению Д. С. Львова, *интеллектуальная рента* превращается в фундаментальный источник социально-экономического развития страны [6, 7].

Но если *знания*, наука являются внутренним источником прогресса, его *движущей силой*, то роль его *технологической базы* несомненно принадлежит *компьютерам и телекоммуникациям*, позволяющим производить накопление и высокоскоростную обработку больших объемов информации, включая обмен ею, в реальном режиме времени. Поэтому, по мнению известного «прагматиста» Э. Тоффлера, именно электроника должна занять в будущем ведущее место в мире, способствуя развитию передовых технологий в космической промышленности, биоиндустрии и океанологии, которые, с его точки зрения, составят экономический костяк эпохи «Третьей волны», завершающей историю промышленной революции [8].

Высокая значимость для новой экономики информационных технологий позволила ряду исследователей сформулировать в противовес теории постиндустриализма теорию «*информационного общества*». Сторонники последней (М. Порат, Р. Кац и др.) выделяют информационный сектор в отдельный сектор экономики, выдвигая его в один ряд с сельским хозяйством, промышленностью и сферой услуг. М. Кастельс вообще не оставляет камня на камне от теории постиндустриализма, называя ее мифом и считая, что на деле мы по-прежнему живем в индустриальной экономике, но другого типа, основу которой составляет информатизация и глобализация. При этом он решительно отвергает парадигму К. Кларка, основанную на разделении хозяйства на первичный, вторичный и третичный секторы, декларируя, что «*единственной чертой, объединяющей виды деятельности в сфере услуг, является то, что такой черты нет*» [9].

Однако с таким подходом трудно согласиться. Его главным недостатком, по моему мнению, является эклектическое смешение достаточно разноректорных

понятий, в результате чего он представляет собой некий «гимн революционной анархии», противостоящий системной строгости взглядов. Безусловно, всесторонняя информатизация общественной и хозяйственной деятельности способствует развитию глобализма и ускорению роста мировой экономики. Но она носит по отношению к нему лишь факторный характер и не может быть поставлена с ним в один ряд в характеристике новой экономики. Глобализм, как явление, к тому же имеет иные имманентные корни. Его содержание проистекает из структурно-функциональной взаимосвязи с процессами транснационального корпорирования и научно-технической революции, новый этап которой сегодня связывается не только с ИКТ, но в первую очередь с нано- и биотехнологиями, поиском новых источников энергии, наукой о жизни и др.

Несомненно также и то, что производительность труда и рыночная конкурентоспособность на современном этапе экономического развития во многом определяются способностью любого субъекта хозяйствования быстро и эффективно обрабатывать и использовать поступающую информацию. Однако информационные технологии, по моему мнению, это лишь *инструмент*, повышающий эффективность воспроизводственных процессов. Пусть радикальный, прорывной, но инструмент, который становится бессмысленным, если он не наполнен содержимым — т. е. знаниями, имеющими по отношению к информации, в данном случае, причинный характер. Информация, в данном контексте, представляет собой не что иное как кодифицированное, формализованное знание, передаваемое с помощью специальных носителей от одного субъекта к другому

Таким образом собственно производство и потребление информации, и здесь мы согласимся с В. Иноземцевым, напрямую относятся к сфере услуг. Поэтому их позиционирование в виде отдельного самостоятельного сектора экономики представляется нам безосновательным [4]. Такая посылка является крайне важной, поскольку выделение *второстепенных* признаков для понятийного детерминирования эпохальных процессов ведет к его методологическому отрыву от общепринятых научных подходов к определению базовых категорий, к каковым, на наш взгляд, относится и дефиниция постиндустриальной экономики.

В нашем случае представляет интерес подход, использованный белорусским исследователем В. Щербиным, согласно которому терминология типов экономик классифицируется по 11 основным признакам, позволяющим в зависимости от цели (ракурса) исследования выбрать наиболее адекватное ей системное определение. Его понятийная классификация разделяет экономики по следующим критериям: *доминантному типу производства; типу социально-экономической организации; охвату субъектов хозяйствования; используемым средствам производства; основному экономическому ресурсу; уровню открытости для иностранных субъектов хозяйствования; охвату и уровню проблем экономической теории; характеру развития; степени финансовой обеспеченности; степени товарной обеспеченности; наличию индивидуальных оценок экономиста* [10].

Таблица 1

Типология новой экономики

Классификационный признак	Базовое понятие	Определение экономики
Доминантный тип производства	Услуги	Постиндустриальная экономика
Движущая сила, базовый фактор производства	Знания (наука)	Экономика знаний
Основной экономический курс	Инновации	Инновационная экономика
Технологический базис	ИКТ (компьютеры, интернет, мобильная связь)	Информационная экономика

По отношению к рассматриваемому вопросу такими критериями, с моей точки зрения, являются: а) доминантный тип производства и б) основной экономический ресурс. Согласно первому из них, экономика на современном этапе развития должна однозначно трактоваться как постиндустриальная. Согласно второму, она предстает перед нами как экономика знаний.

Однако чистые знания имеют исключительно виртуальную форму, требующую для ее практического использования последовательной материальной трансформации. Такой овеществленной формой знания, по моему мнению, становится инновация, которая превращает его в предмет товарно-денежных отношений и включает в хозяйственный оборот. Поэтому считаю вполне корректным привести в систему рассматриваемых абстрактных построений некоторый элемент технократического детерминизма (в котором, кстати, советские марксисты обличали Д. Белла при разработке его теории).

В результате вполне логично определить практическое содержание постиндустриальной экономики в качестве инновационного. Ведь ее успешное развитие, как отмечал П. Друкер, всегда было основано на лидерстве в нововведениях и технологиях, являющихся непреходящей базовой ценностью для интенсивного цивилизационного развития [3, 11].

Таким образом, когда говорится о *постиндустриальной экономике*, то, в первую очередь, предполагается

доминантный тип производства, характерный для данной исторической эпохи. Рассуждая об *экономике знаний*, — имеется в виду ее внутренняя движущая сила, ставшая в условиях ускорения научно-технического прогресса определяющим фактором производства. Понятие же *инновационной экономики* отражает содержание основного материального ресурса, вовлекаемого в процесс общественного воспроизводства. При этом техническую базу новой экономики составляют *информационные технологии* (табл. 1).

Здесь необходимо также отметить, что формирование новой экономической парадигмы на современном этапе эволюции общества *не может основываться только на технократических принципах*. Ее важнейшей составляющей является гуманизационный аспект, отражающий высокий уровень сегодняшней зрелости процесса социально-экономического развития. В новых условиях хозяйствования, как отмечает известный белорусский экономист В. Ф. Байнев, становится недопустимым использование наемного труда лишь в качестве приобретаемого на рынке производственного ресурса, формально оценивая его наравне с сырьем, машинами и оборудованием [12].

В результате меняется сама *идеология формирования парадигмы* социально-экономического развития. Впервые на уровне общественного сознания человек из базового фактора производства превращается в центральную фигуру бытия. А экономический рост, рассматриваемый в индустриальной экономике в качестве целевой функции, реверсируется в ресурсную базу его гармоничного развития — условие роста общественного благосостояния. В основе повышения производительности труда лежит уже не потогонная система эксплуатации работников, а их новаторская деятельность, обеспечивающая, с одной стороны, интенсивный характер экономического роста, с другой — возможность для самореализации человека как творческой личности. Эффективность же инвестиций оценивается не по увеличению фондоемкости производства, а по росту человеческого/социального капитала.

В данном контексте Э. Тоффлер также подчеркивал, что новая экономика обязательно должна поддерживать равновесие с биосферой, вырабатывать адекватные подходы к прогрессу, природе и эволюции, учитывать обратную связь между ними. Поэтому, по его мнению, причины постиндустриальной революции следует искать не только в технологических сдвигах, но и в культурных процессах, протекающих в нашем времени [8].

Таким образом схематично идеология формирования новой экономической парадигмы может выглядеть так как это представлено в табл. 2.

К вышесказанному необходимо добавить также следующее. В условиях новой экономики происходит радикальное повышение качества человеческой жизни, обеспечиваемое с помощью достижений научно-технического прогресса, широкой технологизации социума. Меняется характер труда. Появляется новая высококвалифицированная социальная страта. В общественном сознании формируется креативный поведенческий вектор. Инновационная культура на-

Таблица 2

Идеология формирования новой экономической парадигмы

Индустриальная экономика			Постиндустриальная экономика		
Факторы производства	Критерии оценки	Целевая функция	Базовый фактор	Критерии оценки	Целевая функция
Труд	Производительность	Экономический рост		Самореализация	Человек
Земля	Ресурсоемкость			Сохранность	Природа
Капитал	Фондовооруженность			Благосостояние	Социум

чинает рассматриваться в качестве стратегического ресурса нового века.

В определяющий фактор устойчивого экономического роста выделяется сохранность природы, детерминируя тем самым, экологический императив развития, реализующийся в рамках соответствующих национальных стратегий, которые основываются на идейных принципах и методологических подходах «Повестки дня на XXI век», определенных Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в Рио-де-Жанейро в 1992 г. [13]

Переход к устойчивому развитию предполагает сбалансированное решение социально-экономических задач, проблем сохранения благоприятной окружающей среды и природно-ресурсного потенциала в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений людей, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов, сохранения биологического разнообразия, экологически безопасного применения новых технологических процессов, в особенности в химических и энергетических производствах.

В итоге формируется научно-обоснованное представление о *новой экономике, как экономике постиндустриального общества, базирующейся на глобальном знании, ориентированной на науку и образование, достижение высоких индивидуальных жизненных стандартов на основе всесторонней технологизации социума, его широкого приобщения к культуре и рациональному природопользованию.*

Основываясь на вышеизложенном, логично заключить, что ядром новой экономики являются инновации и детерминирующие их процессы. Обоснуем данную посылку.

Во-первых, инновации являются *конечным* звеном в цепочке последовательного преобразования абстрактного знания в конкретную материальную форму, адаптированную для внедрения в производство. И с позиции практической экономики именно они представляют собой тот базовый ресурс, который обеспечивает постиндустриальную трансформацию последней (рис. 1).

Во-вторых, инновации являются *начальным* звеном в цепочке получения нового продукта с высокой добавленной стоимостью, наукоемкостью, технологичностью и, в конечном итоге, конкурентоспособностью, что обеспечивает *новое качество экономического роста, повышает уровень социального капитала и благосостояния* (рис. 2).

Однако содержание искомой парадигмы будет достаточно ограниченным если в ее структуре не будет представлен такой важнейший атрибут современной глобальной экономики как *конкурентоспособность*,

являющийся интегральным фактологическим показателем экономического развития.

Сегодня в мировом экономическом сообществе конкурентоспособность рассматривается в качестве одной из основополагающих идей при разработке макроэкономической политики как развитых так и развивающихся стран. Она служит всеохватывающим понятием в дискуссиях по вопросу о том, как улучшить функционирование экономики. Однако концепция конкурентоспособности нередко используется неоднозначно вследствие стохастической расстановки акцентов на ее многогранных, но при этом имманентно взаимосвязанных компонентных составляющих.

На корпоративном уровне понятие конкурентоспособности достаточно транспарентно и не требует специального обоснования. Применение же концепции конкурентоспособности на национальном уровне сопряжено с некоторыми противоречиями. Так страны не конкурируют друг с другом, как это делают корпорации, и они не могут исчезнуть под воздействием конкуренции. Более того, процветание одной отдельно взятой страны создает дополнительные рыночные возможности для других. Но в конечном счете межстрановая конкурентоспособность все же представляет собой понятие, которое зиждется на интегральной позиции отдельных фирм.

В случае акцента на компаниях, рассматриваемых в качестве конечных носителей конкурентоспособности, необходимо учитывать, что макроэкономическая конкурентоспособность повышается не только за счет снижения их издержек, но и за счет освоения производства новых товаров и услуг, повышения качества продукции и ее экспортной ориентации, требующей обеспечения высоких технико-технологических стандартов.

При этом внешняя конкурентоспособность компаний находит выражение и в росте их долей на экспортных рынках, и в изменении всего торгового баланса страны. В этом случае показателем повышения конкурентоспособности является динамика экспорта продукции обрабатывающей промышленности в сочетании с диверсификацией и ростом уровня технической сложности изделий. По мере технологической модернизации промышленности структура экспорта страны переориентируется на продукцию, которая является *более наукоемкой, имеет более высокое качество и, следовательно, более высокую добавленную стоимость, обеспечиваемую получаемой инновационной рентой.* Структурно это ведет к изменению международной специализации страны в системе мирохозяйственных связей.

В более широком смысле конкурентоспособность страны, в отличие от конкурентоспособности ком-

Рис. 1. Схема трансформации знаний в инновации

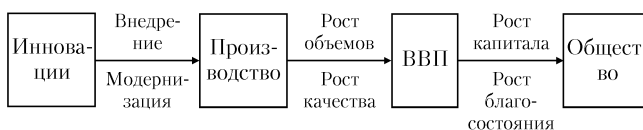

Рис. 2. Роль инноваций в росте экономики и общественного благосостояния

паний, отражает уровень производительности труда, размер доходов населения и способность обеспечивать устойчивый экономический рост в среднесрочной и долгосрочной перспективах. В условиях же глобализации, инициируемая ею наряду с либерализацией открытость экономики превращает страну в объект воздействия международной конкуренции, но в то же время позволяет ей полномасштабно участвовать в мировом разделении труда и иметь доступ к иностранному капиталу и технологиям. Она дает возможность сосредоточиться на тех видах деятельности, в которых имеются конкурентные преимущества, облегчает достижение «эффекта масштаба» и открывает доступ к новым, эффективным методам управления.

К числу интегральных показателей межстрановой конкурентоспособности относят так называемую «полную факторную производительность», измеряемую количеством продукции, произведенной на единицу совокупных затрат труда и капитала. Согласно такому подходу, отражающему реальное сближение понятий производительности и конкурентоспособности, страна, имеющая технологические преимущества, может быть конкурентоспособной на мировых рынках, поддерживая при этом высокие доходы и уровень жизни населения.

Вопросам укрепления национальной конкурентоспособности европейских стран и задач становления экономики, основанной на знаниях и инновациях в контексте их влияния на экономическую динамику и устойчивость экономического роста была посвящена сессия Европейской Экономической Комиссии ООН, которая состоялась в Женеве в 2006 г. В итоговых документах сессии декларируется ряд концептуальных

положений, которые с успехом могут быть использованы при формировании основ государственной инновационной политики [14].

Но наиболее значимым среди них является то, что факторы, выделенные как положительно влияющие на способность компаний вести конкурентную борьбу на мировых рынках, преимущественно совпадают с теми факторами, которые определены в качестве благоприятствующих инновационной деятельности. Поэтому стимулирование последней для всех стран, независимо от уровня развития их материально-технической базы, является определяющим условием обеспечения конкурентных преимуществ и положительной динамики экономического развития.

Таким образом широкая концепция конкурентоспособности подразумевает, что открытость экономики является необходимым, но не достаточным условием для удержания высоких темпов роста и повышения уровня жизни населения. Для этого наряду с институциональной адекватностью экономики требуется еще наличие действенной государственной инновационной политики. То есть того, что способствует внедрению инноваций, созданию новых или адаптации уже существующих видов техники и технологий. Именно в этом состоит имманентная корреляция рассматриваемых здесь базовых экономических понятий применительно к предмету настоящего исследования.

В результате проведенного исследования можно сделать обобщающий вывод о том, что новая экономическая парадигма основывается на трех взаимосвязанных базовых понятиях: *добавленной стоимости*, как основного источника социально-экономического

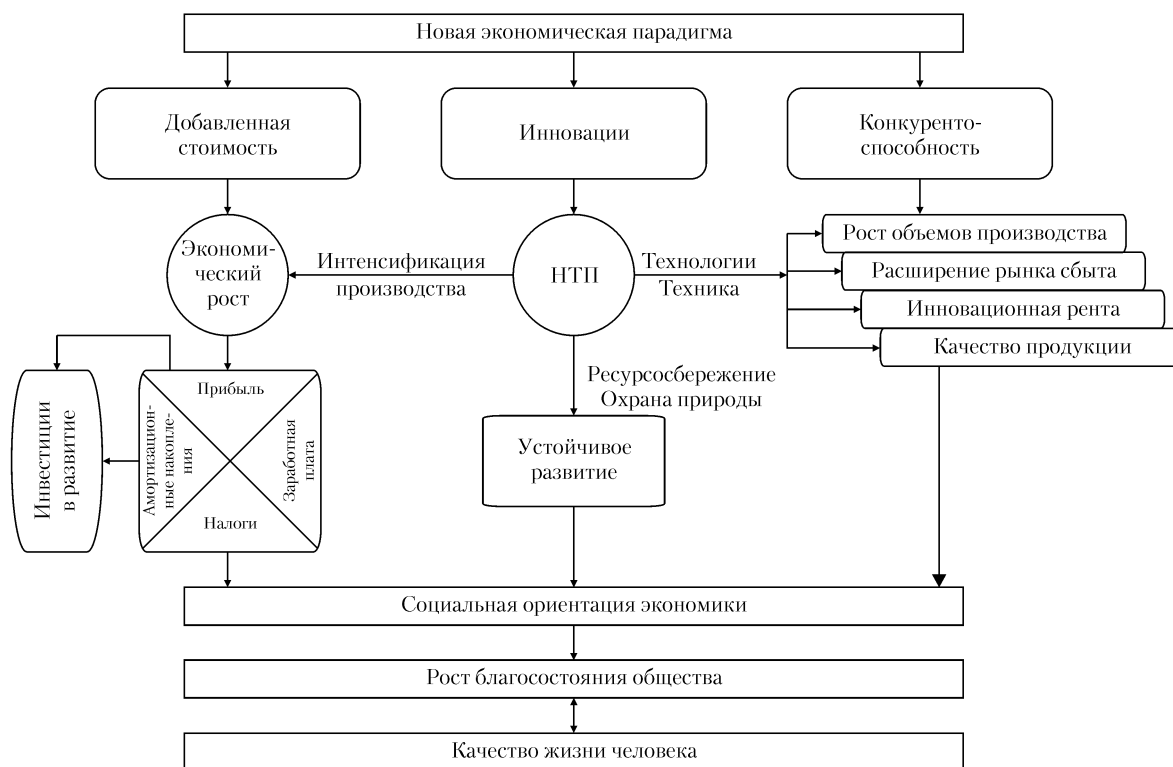

Рис. 3. Новая экономическая парадигма

развития, *инновациях*, как основного ресурса, вовлекаемого в процесс общественного воспроизводства, и *конкурентоспособности*, как важнейшего условия эффективности хозяйственной деятельности и равноправной интеграции страны в систему мирового разделения труда. При этом центральным звеном данной парадигмы являются инновации, выступающие для остальных составляющих в качестве обуславливающего начала (рис. 3).

Список использованных источников

1. *Лу Юнсян*. Эра наукоемкой экономики // Вестник РАН, т. 70, № 4, 2000.
2. *Л. И. Абалкин*. Избранные труды: В 4 т./Вольное экономическое общество России; сост. О. М. Грибанова. Т. 4: В поисках новой стратегии. М.: ОАО «НПО Экономика», 2000.
3. *Д. Белл*. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования/Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 2004.
4. *В. Иноземцев*. За пределами экономического общества. Постиндустриальные теории и постэкономические тенденции в современном мире. М.: Академия наук, 1998.
5. Statistical Abstract of the United States. 1995. Wash., 1996.
6. *В. И. Вернадский*. Научная мысль как планетное явление/Отв. ред. А. Л. Яншин. М.: Наука, 1991. <http://nonlin.bitp.kiev.ua/vernadsky>.
7. *Д. С. Львов*. Экономика развития. М.: «Экзамен», 2002.
8. *Э. Тоффлер*. Третья волна/Пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
9. *М. Кастельс*. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура/Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Государственный университет «Высшая школа экономики», 2000.
10. *В. Щербин*. Инновационная экономика и экономика знаний // Наука и инновации, № 5, 2006.
11. *П. Друкер*. Новые реальности: в правительстве и политике, в экономике и бизнесе, в обществе и мировоззрении. М.: СП «Бук Чембер Интернешнл», 1994.
12. *В. Ф. Байнев*. Новая экономика: условия и неотложные задачи ее формирования в странах бывшего СССР // Экономика, № 9–10, 2008.
13. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г./Национальная комиссия по устойчивому развитию Республики Беларусь; редколлегия: Я. М. Александрович и др. Мн.: Юнипак, 2004.
14. Конкурентоспособность в современной экономике: Вызовы для региона ЕЭК ООН // Европейская экономическая комиссия: Материалы Первой сессии, г. Женева, 27–28 сентября 2006.

The institutional transformation of the socio-economic paradigm of civilizational development

A. V. Markau, PhD in Economics, Associate Professor, First Pro-rector, Private educational establishment «Institute of parliamentarism and entrepreneurship»

This article explores the qualitative changes occurring in the economic view of a post-industrial society. Formulated its basic function-LVL.

Keywords: new economy, socio-economic paradigm, innovation, added value and competitiveness.
